

- ³² Пузицкий В. Отечественная история в рассказах для младших классов средних учебных заведений. М., 1902 // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 345. С. 2.
- ³³ См.: Пузицкий В. А. Родная история : учеб. пособие для младших и средних классов. Саратов, 1994. 350 с.
- ³⁴ См.: Древняя Русь : Первая книга для чтения по оте-

чественной истории / сост. В. Соколов и В. Хитров. М., 1993. 288 с.

- ³⁵ Старина Русской земли. Первая книга для чтения по отечественной истории. I. Древняя Русь. Составили В. Соколов и В. Хитров. М., 1903 // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 346. С. 20.
- ³⁶ Там же. С. 21.

УДК 94(=112.2)(47).084.2

СССР В 1930-е ГОДЫ: «БОРЬБА С НЕМЕЦКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ»

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует политико-идеологическую кампанию «борьбы с немецким национализмом», которая стала следствием частичного отхода сталинского руководства страны от концепции мировой революции, утверждения курса на построение и, возможно, длительное существование социализма в одной стране. В этой ситуации национальные меньшинства, имевшие исторические корни за рубежом, в частности, немцы, с точки зрения советских лидеров, становились «пятой колонной». Этим объясняется проводившаяся в отношении них агрессивная и жесткая политика «советизации», массовые репрессии, гонения на традиционную национальную культуру.

Ключевые слова: российские немцы, АССР немцев Поволжья, немецкий национализм, фашистская помощь, массовые репрессии, недоверие к немецким национальным кадрам, «немецкая операция» НКВД, «засоренность» национализмом немецкой культуры, фальсификация истории АССР НП.

USSR in 1930: «The Fight Against German Nationalism»

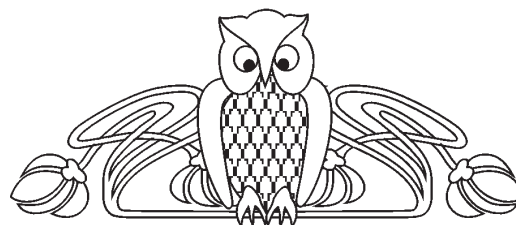
A. A. German

The author explores the political and ideological campaign «The fight against German nationalism» which was a consequence of the partial withdrawal of the Stalinist leadership of the country from the concept of world revolution, the approval of the course to build and possibly the continued existence of socialism in one country. In this situation, the national minorities that had historical roots abroad, in particular the Germans, from the standpoint of Soviet leaders became a «fifth column». Therefore, they become victims of aggressive and rigid policy of «Sovietization», mass repression, the persecution of the traditional national culture.

Key words: Russian Germans, ASSR of the Volga Germans, German nationalism, Nazi help, mass reprisals, mistrust of the German national cadres, «the German operation» of the NKVD, «debris» nationalism of German culture, falsification of history of ASSR of the Volga Germans.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-28-34

Приняв 3(16) ноября 1917 г. «Декларацию прав народов России», провозгласившую право народов на самоопределение вплоть до отделения и создания независимых государств, большевики преследовали тактические соображения:

заручиться поддержкой нерусских народов и облегчить тем самым развёртывание революционного процесса в России. В действительности же национальную идею, чувство национальной идентичности, приверженность национальному интересу они всегда рассматривали как главное препятствие на пути социалистического и коммунистического универсализма, пролетарского интернационализма. Идеологические установки определяли и соответствующую политическую линию в национальном вопросе.

Российские немцы, как и многие другие нерусские народы, получили гарантию территориальной идентичности в виде области (с 1918), а затем и Республики (с 1924) немцев Поволжья¹, ряда национальных районов и сельсоветов². Создавались образовательные и культурные институты на родном языке, стимулировались местные кадры, в 1920-е гг. проводилась коренизация³, в 1930-е гг. в общем русле развития страны осуществлялась насильственная модернизация экономики. Вместе с тем, немецкая автономия, как и автономии других национальных меньшинств, была лишена фактического политического суверенитета, все провозглашённые её национально-государственные права на практике являлись чистой фикцией. Особенно явно отмеченная тенденция стала заметна с середины 1930-х гг., когда постепенный отход от концепции мировой революции, утверждение курса на построение и, возможно, длительное существование социализма в одной стране привели к существенным изменениям национальной и, в частности, языковой политики.

Русский язык стал рассматриваться в качестве единственного универсального средства общения⁴. Кампания *коренизации*, без того проводившаяся вяло, была свёрнута. Ей на смену пришла противоположная по направленности кампания борьбы с «местным» национализмом. В том или ином виде она проводилась практически в отношении всех национальных меньшинств, особенно имевших свою государственность.

Однако «борьба с немецким национализмом» в этом ряду заметно выделялась своей агрессивностью и жесткостью. Это объяснялось тем, что исторические корни российских немцев уходили за рубеж и связывали их с Германией, государством, с которым у СССР в 1930-е гг. были напряженные отношения и которое считалось потенциальным агрессором в отношении СССР. Кроме того, советские немцы, становясь, как и другие народы нашего государства, жертвами социальных экспериментов большевистского режима и попадая в связи с этим в тяжёлое положение, пытались найти выход из него, используя отмеченные выше объективные специфические возможности этноса, имевшего исторические корни за пределами СССР (возвращение на историческую родину, получение материальной помощи и моральной поддержки из-за рубежа и т. д.). На такие попытки «своих» немцев советское руководство реагировало резко негативно, поскольку они дискредитировали большевистский режим перед мировым сообществом, раскрывая истинное положение дел в «государстве рабочих и крестьян», осложняли отношения Советского Союза с Германией и другими странами, то есть «играла наруку мировому империализму».

Так получилось и в начале 1930-х гг. Как известно, в это время в СССР в связи с коллективизацией и выкачиванием продовольствия из деревни имел место очередной массовый голод, от которого пострадали миллионы советских граждан, особенно в Украине и Поволжье. Среди них были и российские немцы.

Несмотря на все ухищрения советского руководства, правда о тяжёлом положении населения, в том числе и немцев, в районах распространения голода просачивалась за рубеж. Вполне объяснимо, что сообщения о трагическом положении немцев в СССР одними из первых были получены в Германии. Многих немцев в этих двух странах связывали родственные узы, между ними, несмотря на все ограничения сталинского режима, существовала переписка. В Советском Союзе проживало немалое число немцев, в разное время приехавших из Германии и не принявших советского гражданства.

События в Советском Союзе серьёзно взволновали общественность Германии, вызвали озабоченность её руководства. Исторически совпало так, что именно в это время к власти в Германии пришли нацисты. Стремясь заручиться поддержкой германского народа, они на первых порах активно включились в антисоветскую кампанию, стремительно разраставшуюся в Германии в связи с сообщениями об инспирированном большевиками голоде в СССР. Последовал ряд дипломатических демаршей. Германские дипломаты в Москве и Берлине напоминали о «злключениях немецких колонистов», особенно германских граждан, и настаивали на получении от советских властей разрешения на предостав-

ление немецкому населению продовольственной помощи⁵.

Советская сторона лицемерно отрицала наличие голода в СССР и отказывалась принимать такую помощь. По мере нарастания голода дипломатические демарши Германии принимали всё более острый характер. В марте 1933 г. последовали публичные выступления руководителей Германии с обвинением советского руководства в том, что оно скрывает правду о растущем голоде. В июне в Берлине была организована выставка писем голодающих немцев из СССР, которая вызвала настоящий шок у её посетителей⁶.

Своего апогея кампания протеста против «вымаривания голодом немецкого меньшинства» в СССР достигла к июлю 1933 г. Ряд организаций (Германский Красный Крест, Высший совет евангелических церквей, Союз немцев за рубежом и др.) обратились с призывом к германскому народу о сборе пожертвований в пользу «страдающих немцев» в СССР. С этой целью в банках открылся специальный счёт «Братья в нужде», на который в числе первых внесли по 1 тыс. марок личных денег президент Германии П. Фон Гинденбург и канцлер А. Гитлер. В помощь голодающим немцам в СССР германское правительство ассигновало 17 млн марок. Нацистские вожди умело использовали заговор молчания советских властей вокруг голода, эксплуатировали национальную идею, завоевывая симпатии немецкой нации⁷.

Советское же руководство по-прежнему упорствовало и не признавало факта голода в своей стране. Оно утверждало, что развязанная в Германии кампания носит клеветнический характер. С середины июля в ответ на германские обличения в СССР началась ответная, явно инспирированная кампания «возмущения» советских немцев «ложью фашистской пропаганды». На предприятиях, в колхозах, совхозах, МТС, учебных заведениях, учреждениях АССР немцев Поволжья немецких районов в различных частях СССР проводились собрания, на которых принимались резолюции протеста. Этими протестами были заполнены страницы всех советских немецкоязычных газет.

Смысл всех протестов был один: советские немцы не нуждаются ни в какой помощи со стороны фашистской Германии, «переживающей по-настоящему трудные дни голода и нужды». В «письмах трудящихся», которые потоком шли в центральные партийные и советские органы и также публиковались в газетах, заявлялось, что ни при каких обстоятельствах их авторы не будут принимать посылки от «немецких фашистов». Одновременно «трудящиеся» сами изъявляли готовность провести сбор продуктов для жертв фашизма, «безработных, голодающих крестьян Германии», т. е. ситуация переворачивалась с ног на голову. В августе исполком Коминтерна выпустил брошюру «Братья в нужде?», которая распространялась за рубежом, и её страницы были заполнены всё теми же письмами советских

немцев, в которых они рассказывали о своей «зажиточной счастливой жизни». Одновременно для «внутреннего употребления» в СССР выпустили и распространили книгу «Наш ответ» с аналогичным содержанием⁸.

Вместе с тем, на страницах советской прессы усилилась публикация материалов, разоблачавших действительный террор, усиливавшийся в Германии против коммунистов, социал-демократов, евреев, служителей церкви. Видимо, именно эти разоблачения, как и ряд жёстких контрдемаршей советской дипломатии, а, возможно, и тайный сговор двух тоталитарных режимов, привели к тому, что антисоветская кампания в Германии стала быстро угасать. Однако акция сочувствия советским немцам, проходившая в Германии и получившая отклик в других странах, вынудила власти в СССР ослабить различные запреты на помощь извне.

В частности, так и не разрешив официальной государственной помощи Германии, советское руководство сняло возражения против частной помощи конкретным лицам. Такая благотворительная помощь в виде продуктовых посылок и денежных переводов в немецких марках и долларах США с конца 1933 г. стала поступать немецкому населению СССР⁹.

Вынужденно согласившись на предоставление иностранной благотворительной помощи советским немцам, советское руководство вовсе не собиралось допускать столь явной компрометации своего режима внутри страны. 5 ноября 1934 г. ЦК ВКП (б) направил всем ЦК союзных республик, крайкомам и обкомам ВКП (б) специальную директиву, в которой обращал их внимание на то, что «в районах, населённых немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам или другим национальностям, проживающим в СССР и нарушающим элементарную лояльность к советской власти». Далее в директиве указывалось: «ЦК ВКП (б) считает подобное поведение парторганизаций и органов НКВД совершенно неправильным и предлагает принять по отношению к активным контрреволюционерам и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей особо подчёркивалось, что местные органы власти «должны потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылок»¹⁰.

На основе директивы в печати, по радио, на местах развернулась кампания по формированию негативного общественного мнения к

«фашистской помощи» и тем, кто её принимал. Получателей и распространителей гуманитарной помощи стали называть фашистами, тех кто ею пользовался – пособниками фашистов. Инспирировались и широко пропагандировались факты демонстративного отказа от помощи, уничтожения посылок. Поступавшая иностранная валюта «по просьбе немецких трудящихся» перечислялась на счёт Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Кроме того, в этот период времени проводился беспрецедентный нажим на жителей СССР, имевших иностранное подданство, с целью заставить их принять советское гражданство¹¹.

Развязанный против немецких граждан моральный и физический террор стал давать довольно быстрые результаты. Подневольных, живущих в постоянном страхе людей нетрудно было заставить выполнить все указания властей. Но власти требовали не только отказываться от зарубежной помощи, они заставляли ещё людей «разоблачать» друг друга. Жалкое зрелище представляли собой принудительно созывавшиеся общие собрания жителей сёл по «разоблачению фашистских агентов», где получавшие «фашистскую» помощь выступали с покаянными заявлениями, признаваясь, что совершили «измену социалистической родине». Каждое из таких собраний принимало резолюцию, в которой, как правило, «требовало» предания «фашистов» суду¹².

Развернулся активный поиск «фашистских контрреволюционных организаций». Судя по донесениям органов НКВД, «фашисты» буквально наводнили Республику немцев Поволжья, немецкие районы и сёла других регионов СССР. Они «пробрались» в местные органы власти, в колхозы, совхозы, МТС, на предприятия, «свили свои гнёзда» в вузах, техникумах, школах, ими были «засорены» редакции газет, культурные учреждения.

Начались массовые репрессии. 15 января 1935 г. управление НКВД АССР немцев Поволжья сообщило в обком ВКП (б), что с начала кампании (т. е. всего за два месяца) им «изъято фашистского элемента» – 187 человек. В Немецком районе Западно-Сибирского края уже к 19 декабря 1934 г. арестовали 293 человека. В дальнейшем аресты шли столь же активно. В Украине за 1935 г. было репрессировано 24,9 тыс. немцев. Значительная часть репрессированных приговаривалась к расстрелу¹³.

К концу 1935 г. получение гуманитарной помощи советскими немцами из-за рубежа фактически прекратилось, однако репрессии, развязанные режимом против немецких граждан, продолжались.

В политической сфере кампания «борьбы с немецким национализмом» выражалась в постепенном сужении и полной ликвидации национально-государственных аспектов автономии (фактическое игнорирование положений

Конституций АССР немцев Поволжья 1926 и 1937 гг., предоставлявших республике ограниченный суверенитет, ликвидация к концу 1930-х гг. всех немецких национальных районов в СССР). Немецкий язык постепенно вытеснялся из государственных, и особенно партийных органов и учреждений Республики немцев Поволжья, немецких национальных районов.

Сквозило явно выраженное недоверие к немецким национальным кадрам, они «выдавливались» с партийно-государственных должностей, дававших реальную власть (первые и вторые секретари обкома, канткомов и райкомов ВКП (б), ответственные работники НКВД и т. п.), на должности с чисто номинальной или третьестепенной значимостью (руководители советских органов, третьи секретари обкома, канткомов и райкомов ВКП (б) и т. п.).

К 1937 г. в политике ЦК ВКП (б) сквозит уже открытое недоверие к немецким национальным кадрам. После снятия с поста и ареста Е. Фешера впервые со времён гражданской войны первым секретарём обкома ВКП (б) становится не немец (Я. Попок). Немцы оказались в меньшинстве в новом составе бюро обкома ВКП (б). Весьма характерным примером может служить национальный состав делегатов 20-й областной конференции ВКП (б). Из 270 делегатов с решающим голосом немцев было – 69, русских – 159, украинцев – 33 и т. д.¹⁴

Особенно «урожайным» на «врагов народа» оказался 1937 г. 19 января Центральный Комитет ВКП (б) принял постановление «О Немобкоме ВКП (б)», в котором подверг резкой критике партийное руководство Немреспублики за слабую работу практически во всех сферах его деятельности. Среди главных обвинений – «засорённость» партийных, государственных и хозяйственных органов «чуждым элементом», «националистические» и «фашистские» проявления¹⁵. Это постановление центрального органа Коммунистической партии во многом санкционировало развязанную буквально через несколько месяцев дикую вакханалию арестов, допросов, пыток и расстрелов практически всего руководства Немреспублики, не только республиканского, но также кантонального и местного уровней.

Летом 1937 г. в рамках так называемой «немецкой операции»¹⁶ органами НКВД СССР было сфабриковано крупное дело о существовании в Немреспублике мощной подпольной националистической фашистской организации, ставившей якобы своей целью свержение советского строя, помощь Германии в подготовке к войне с СССР, срыв, путём вредительства, строительства социализма в Советском Союзе. В качестве руководящего ядра этой «организации» фигурировали практически все настоящие и бывшие партийные и советские деятели Немреспублики с момента её образования (Е. Фрешер, А. Вельш, Г. Люфт, И. Шваб, В. Курц, Г. Фукс, Г. Клиндер, А. Моор,

А. Шнейдер, Х. Горст, И. Шенфельд, Г. Кёниг и др.). По данному делу были арестованы сотни людей не только в АССР НП, но и по всему Советскому Союзу, главным образом ответственные партийные и советские работники-немцы, представители советской немецкой интеллигенции. Все «руководители организации» в 1937–1938 гг. по приговорам специальных трибуналов, «троек» и т. п. были расстреляны, остальные приговорены к длительным срокам заключения¹⁷.

Если в 1933, 1934 и начале 1935 г. «фашистами» были только получатели и распространители зарубежной помощи, то в дальнейшем этот ярлык в качестве дополнительного навешивался и на всех «разоблачённых» впоследствии в Немреспублике «врагов народа» (местных «националистов», «троцкистов», «правых», «вредителей» и т. п.). В этом как бы отражалась национальная специфика «врагов» из АССР НП и содержался прозрачный намёк на то, откуда тянется ниточка «контрреволюции». Из сферы чисто политической «борьба с фашистами» была перенесена в духовную сферу, где под этим предлогом началось мощное наступление на национальную культуру, на любые проявления национального в повседневной жизни и в быту.

Именно с 1934 г. начинаются серьёзные изменения в национальной политике сталинского руководства по отношению к советским немцам. Политика «коренизации», непоследовательно проводившаяся с 1920-х гг., постепенно начала глотнуть.

Таким образом, в национальной политике сталинского режима по отношению к советским немцам всё явственнее просматривались неприязнь и враждебность. Видимо, И. Сталин и его окружение вполне серьёзно опасались, что по мере усиления гитлеровского режима в Германии Немреспублика, как и немецкие национальные районы, могут стать «фашистскими гнездами». Призрак «пятой колонны» будоражил их воображение. Отсюда – политика жёсткого ограничения и подавления прав, свобод и национального самосознания немецкого населения, которая стала особенно заметной к 1937 г. Эта политика нанесла серьёзный урон поволжским немцам, особенно в области национальной культуры.

Ощутимый удар кампания «борьбы с немецким национализмом» нанесла национальной культуре российских немцев. На основании Постановления ЦК ВКП (б) от 5 ноября 1934 г. соответствующие постановления приняли ЦК союзных республик, крайкомы и обкомы ВКП (б), на территории которых имелись места компактного проживания немцев. В частности, обком ВКП (б) Республики немцев Поволжья принял постановления «О постановке интернационального воспитания в школах», «О проявлении кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте АССР немцев Поволжья»¹⁸. Во всех этих документах

указывалось, что установление фашистской диктатуры в Германии привело к резкой активизации немецких «контрреволюционных буржуазно-националистических элементов». Отмечалось, что в школах, техникумах, вузах, учреждениях культуры фашисты маскируются в «национальный костюм», что проявляется в «засорённости национализмом» учебников, распространении «идеологически невыдержанных» национальных песен, в «выхолащивании интернационализма» из учебных дисциплин, литературных произведений, спектаклей и т. п., в разжигании национальной розни среди молодёжи, в активизации «поповских элементов». От коммунистов требовали «особой бдительности и беспощадного разгрома местного контрреволюционного немецкого национализма». С выходом данных постановлений в отношении советских немцев открыто начала проводиться политика запрета и преследования многих национальных традиций и обычаев, образцов культуры. Были обвинены в «национализме», арестованы и репрессированы известные деятели науки, образования, культуры, их произведения запрещались и изымались. Особенно пострадали учителя, составлявшие основную часть немецкой интеллигенции.

Еще с 1932 г. – на основании письма И. Сталина об изучении истории партии – в АССР НП началась массированная идеологическая кампания по переосмыслению истории Немреспублики и её организации ВКП (б). Эту историю пытались загнать в догматическую схему, предложенную Сталиным, и потому всё особенное, национально-специфическое безжалостно отсекалось. Изменилась оценка многих конкретных исторических событий, фактов, личностей. Особенно сильной фальсификации подвергалась история образования немецкой автономии. В частности, Варенбургский съезд представителей немецких колоний Поволжья 1918 г.¹⁹ трактовался как съезд немецкой буржуазии и кулачества. Союз немец-социалистов Поволжья²⁰ был объявлен контрреволюционной меньшевистско-троцкистской организацией, препятствовавшей большевикам проведению революции в немецких колониях. Поэтому все его организаторы, в первую очередь А. Эмих, объявлялись контрреволюционерами, идеологами мелкой буржуазии и «национального контрреволюционного лагеря». Тем более запрещено было любое упоминание того факта, что коммунистическая организация АССР немцев Поволжья выросла в рамках Союза социалистов и выделилась из него в отдельную организацию лишь осенью 1918 г. Однозначно утверждалось, что большевистская организация немецких колоний Поволжья, созданная ещё до Октябрьской революции, опираясь на немецкий пролетариат и беднейшее крестьянство в суровой борьбе с национальной буржуазией, кулачеством, эсеро-меньшевистским «охвостом», установила в немецких колониях советскую власть, стала

инициатором образования немецкой автономии. Период «военного коммунизма» и продразвёрстки объявлялся периодом «бешеной классовой борьбы пролетариата и деревенской бедноты с озверелым контрреволюционным немецким кулачеством за хлеб», крестьянские выступления 1921 г. квалифицировались как «контрреволюционный кулацко-эсеровский мятеж» и т. п.²¹

Создание новой сфальсифицированной истории АССР НП и её большевистской организации сопровождалось запретом ранее изданных книг, брошюр, статей, отражавших недавнее прошлое Немреспублики. Суровым гонениям подверглись историки, не сумевшие быстро «перестроиться». Так, 6 января 1932 г. в рамках кампании обсуждения письма И. Сталина по вопросам изучения истории ВКП (б) на совместном заседании бюро обкома и президиума областной контрольной комиссии ВКП (б) АССР НП были подвергнуты резкой критике исторические работы И. Шмидта «Наша парторганизация»²² и Д. Шмидта «Очерки истории немцев Поволжья»²³ за их «кулацкий, эсеро-меньшевистский характер». Заседание постановило эти книги «считать вредными и изъять из употребления». И. Шмидт был исключён из ВКП (б). При обкоме создали специальную комиссию «по просмотру литературы об истории Немреспублики»²⁴. Благодаря деятельности этой комиссии безвозвратно утеряны для современного читателя десятки книг немецких авторов. Некоторые книги, например, «Очерки истории немцев Поволжья» Д. Шмидта, существуют в единичных экземплярах.

Спустя почти два года, 28 декабря 1933 г., на своём закрытом заседании бюро обкома ВКП (б) АССР НП сняло с должности заведующего культурно-пропагандистским отделом обкома А. Айриха за публикацию им в республиканских газетах «Нахрихтен» и «Трудовая Правда» статьи «Борьба за Советы», посвящённой 15-летию юбилею Немреспублики. По мнению бюро, статья носила «оппортунистический» характер и «фальсифицировала» историю создания большевистской организации немцев Поволжья. По этой же причине был запрещён и конфискован статистический сборник «Итоги хозяйственного строительства АССР НП за 15 лет», изданный Госпланом АССР НП. Создатели сборника понесли наказание²⁵.

Видимо, историки, писавшие о прошлом Немреспублики, никак не могли усвоить сталинскую схему развития исторического процесса и постоянно допускали те или иные «проколы». Очевидно, по этой причине по заданию обкома ВКП (б) обкомовский «теоретик» А. Лоос написал и издал в 1934 г. книгу «Против фальсификаций истории большевистской партийной организации АССР немцев Поволжья», в которой изложил официальную версию истории организации ВКП (б) АССР НП²⁶. Именно в соответствии с этой версией впоследствии были написаны статьи о Немреспублике в Большой и Малой советских

энциклопедиях, а также в брошюре, выпущенной к 20-летию АССР НП²⁷.

С конца августа 1941 и по 1955 г. включительно советские немцы как «провинившийся» и репрессированный народ вообще были лишены каких-либо условий не только для развития, но даже для сохранения своей национальной идентичности и культуры. В условиях «трудовой армии» спецпоселения, любое проявление немцами своей национальной специфики могло расцениваться как антисоветское действие со всеми вытекающими отсюда последствиями. С наступлением хрущёвской «оттепели» советские немцы получили кое-какие весьма ограниченные возможности для возрождения своей национальной идентичности и культуры. Однако призрак немецкого национализма постоянно будоражил воображение советского руководства. Отсюда строгая дозированность и цензура всех мер по национальному развитию немецкого этноса. К примеру, главным редактором центральной газеты советских немцев «Нойес Лебен» до самого конца 1980-х гг. могло быть только лицо русской национальности. Аналогичная ситуация имела место в немногих других газетах, редакциях радиовещания для советских немцев, культурных центрах и т. п.

«Борьба с немецким национализмом» в советское время явилась одним из факторов массовой ассимиляции большинства советских немцев в русскоязычную среду, потери ими своей национальной идентичности, забвения языка, культуры.

Примечания

- 1 Подробнее см.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941*. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 12–38, 159–162.
- 2 Подробнее см.: Чирко Б. *Немецкие национальные районы и сельсоветы // Немцы России : энцикл. : в 3 т. Т. 2*. М.: ЭРН, 2004. С. 632–634.
- 3 Подробнее см.: Герман А. А. *Политика «коренизации» в автономных республиках РСФСР в 1920-е годы (на материалах АССР немцев Поволжья) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 92–95.
- 4 Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей : Постановление Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938 г. см.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4467. Л. 339–345.
- 5 См.: Бабиченко Л. *Шестьдесят лет назад. Дипломатические игры вокруг голодающих немцев Поволжья // Neues Leben*. 1993. № 41. С. 4.
- 6 Там же. С. 5
- 7 См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2086. Л. 131.
- 8 Бабиченко Л. *Указ. соч.* С. 5 ; *Наш ответ : рабочие и колхозники Республики немцев Поволжья разоблачают клевету германских фашистов*. Сталиград : Партиздат, 1933. 60 с.
- 9 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 52. Л. 42.
- 10 Полный текст директивы см.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 : в 2 ч. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 332–333.
- 11 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294. Л. 1, 2, 64.
- 12 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 52. Л. 40.
- 13 См.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 гг.* М.: МСНК-пресс, 2007. С. 329 ; Белковец Л. П. *«Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е гг.)*. М.: Готика, 1995. С. 183 ; Ченцов В. В. *Трагические судьбы : Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920-е – 1930-е годы*. М.: Готика, 1998. С. 68–93.
- 14 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3056. Л. 112–114.
- 15 Там же. Д. 3071. Л. 1–5.
- 16 Подробнее о «немецкой операции» НКВД см. Охотин Н., Рогинский А. *Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ : Репрессии против российских немцев*. М.: Звенья, 1999. С. 35–75.
- 17 ГАНИСО. Ф. 1, Оп. 1. Д. 3408. Л. 35–51, 61, 74, 75–99.
- 18 Полные тексты указанных постановлений впервые опубликованы автором. См.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924–1941*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 333–341.
- 19 Варенбургский съезд – съезд представителей немецких колоний левобережья (луговой стороны) Саратовского Поволжья (Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губернии), созданный по инициативе немецких служащих земских учреждений Новоузенского уезда с целью национального самоопределения поволжских немцев. Проходил 24–28 февраля 1918 г. в крупном немецком селе Варенбург (Привальное). На съезде проявились противоречивые тенденции. С одной стороны, делегаты съезда осудили бесчинства и произвол, творившиеся в немецких селах с санкции местных органов новой большевистской власти различными красногвардейскими отрядами, насильственно реквизирующими у колонистов продовольствие, скот, другое имущество. Съезд также выступил с протестом против закрытия Саратовским Советом «Саратовской немецкой народной газеты» реквизиции бумаги этой газеты на сумму 30 тыс. руб., против преследования активистов немецкого национального движения. С другой стороны, под впечатлением «Декларации прав народов России» делегаты съезда решили ходатайствовать перед Советским правительством о предоставлении немцам Поволжья территориальной автономии. Подробнее см.: Герман А. А. *Немецкая автономия на Волге*. М.: МСНК-пресс, 2007. С. 19–21.
- 20 Союз немцев-социалистов Поволжья (СНСП, «соцбунд»), общественно-политическая организация немцев Поволжья, объединявшая отдельные разрозненные кружки и группы, отражавшие взгляды почти всех существовавших в России социалистических партий. Наиболее влиятельными были группы из Екатериненштадта (меньшевики) и Саратова (большевики). СНСП образован в мае 1917 г. на учредительном съезде, проходившем в Саратове при определяющем влиянии социалистов Екатериненштадта. Из их числа был избран Центральный комитет (А. Эмих, Г. Калининченко,

Ф. Ледерер и др.). Издававшаяся с марта 1917 г. в Екатеринштадте газета «Der Kolonist» («Колонист») стала печатным органом Союза. СНСП не имел четкой организационной структуры, фиксированного членства, собственных программных документов. Подробнее о деятельности Союза немцев-социалистов Поволжья см.: *Hermann A.* Wie die Arbeitskommune (das Autonome Gebiet) gegründet wurde // *Die Russlanddeutschen Gestern und Heute.* Köln : Markus verlag, 1992. S. 159–183 (*Герман А.* Как была образована Трудовая коммуна (Автономная область) немцев Поволжья // *Российские немцы вчера и сегодня.* Кёльн, 1992. С. 159–183).

²¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1991. Л. 262–264; Д. 2116. Л. 11–15, 21–22.

- ²² *Schmidt J.* Unsere Parteioranisation. 1918–1928. Pokrowsk : Deutscher Staatsverlag Nemgosisdat, 1928. 36 s.
- ²³ *Schmidt D.* Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Erster Teil. Pokrowsk : Nemgosisdat, 1930. 386 s.
- ²⁴ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1737. Л. 468.
- ²⁵ Там же. Д. 1991. Л. 262–264; Оп. 1а. Особая папка. Д. 1. Л. 136.
- ²⁶ См.: *Loos A.* Gegen die Fälschung der Geschichte der Bolschewistischen Parteiorganisation der ASSR der Wolgadeutschen. Engels : Parteiverlag, 1934. 55 s.
- ²⁷ Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья : политико-экономический очерк. Энгельс : Немгосиздат, 1938. 55 с.

УДК 93 / 94

НА ГРАНИ ВЫЖИВАНИЯ: МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1930-Х ГОДОВ

М. Ю. Антимонов

Тамбовский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: wolf-25@yandex.ru

В статье рассматривается жизненный мир молодого человека через призму рациона питания, медицинского обслуживания, детской смертности и социальной политики государства. Особое внимание уделяется изучению сложившейся ситуации в стране в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. Для более глубокого осознания социокультурных процессов 1930-х гг. рассматривается феномен молодого человека с учетом его ментальных и поведенческих характеристик.

Ключевые слова: болезни, голод, засуха, медицинское обслуживание, повседневность, смертность, социальная политика государства.

On the Verge of the Survival: Youth in Conditions Social and Economic Crisis of the 1930th

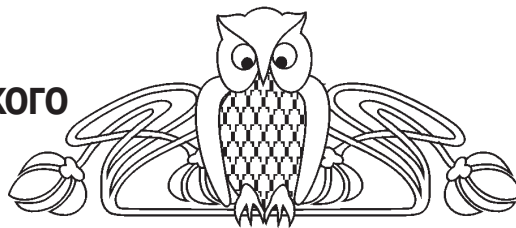
M. Yu. Antimov

In article the vital world of the young man through a prism of a food allowance, medical care, child mortality and social policy of the state is considered. The special attention is paid to studying of current situation in the country in the conditions of crisis of supply of 1939–1941. For deeper understanding of sociocultural processes of the 1930th the phenomenon of the young man taking into account his mental and behavioural characteristics is considered.

Key words: diseases, hunger, drought, medical care, daily occurrence, mortality, social policy of the state.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-34-38

Судя по официальным сводкам, 1930-е гг. – это время расцвета СССР. Но в действительности это было далеко не так. Особенно тяжелое положение сохранялось в отраслях легкой промышленности (группа «Б») и сельском хозяйстве.

Летом 1936 г. разразился неурожай зерновых. От засухи пострадал и картофель. Это породило и мясную проблему. Уже в ноябре стали появляться сообщения о нехватке хлеба в городах Воронежской области, в Западной Сибири, зимой этого же года люди стояли за хлебом с двух часов ночи. География спецсообщений о начавшемся хлебном кризисе обширна – Воронежская, Горьковская, Кировская, Курская, Куйбышевская, Оренбургская, Саратовская, Сталинградская, Челябинская, Ярославская области, Ставрополье, Мордовская, Чувашская АССР, АССР Немцев Поволжья, Башкирия¹.

Красочным примером сложившейся ситуации служит сочинение тринадцатилетнего школьника Алексея Соколова из Ярославской области на тему «Как я провел каникулы»: «Я, ученик 6-го класса группы “Г” Пречистенской средней школы, провел зимние каникулы очень нерадостно. Я лучше бы согласился ходить в школу в это время. Когда я пришел в школу, то учителя сначала стали говорить: “Давайте, ребята, заниматься с новыми силами”. Я за каникулы потерял все силы. Мне некогда было повторять уроки и прогуляться на свежем воздухе. Мне приходилось с 3-х часов (утра. – *Е. О.*) вставать и ходить за хлебом, а приходил человеком 20-м или 30-м, а хлеб привозили в 9–10 утра. Приходилось мне мерзнуть на улице по 5–6 часов (дело происходило в январе 1937 г. – *Е. О.*). Хлеба привозили мало. Стоишь, мерзнешь-мерзнешь, да и уйдешь домой вечером с пустом, ни килограмма не достанешь. Я думаю, что другие ученики тоже провели так же, как и я, каникулы. Если не так, то хуже моего... Судя по этому, можно сказать, что советская власть несколько не улучшила жизнь крестьянина, а, наоборот, еще ухудшила. Быть может, мое сочинение не подходит под тему, но в этом я не виноват, так